

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГИППИУС

Рекоша дружина Игорєви. . .

К ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

Памяти Г. А. Хабургаева (1931–1991)

1. Вынесенные в название статьи слова знакомы любому студенту-русисту и составляют, вероятно, одну из самых хрестоматийных фраз, написанных на древнерусском языке¹. Начало рассказа “Повести временных лет” (далее – ПВЛ) об убийстве Игоря древлянами, столь выразительное в своей архаичной простоте, одновременно содержит и колоритный “сгусток” древнерусской грамматики: здесь и классическая модель согласования глагола с собирательным именем, и старый дательный на *-ови*, и характерная для древнерусских памятников форма сигматического аориста. Именно эта форма и будет в дальнейшем предметом нашего внимания. Точнее, не она сама, а та лингвистическая и текстологическая информация, которая может быть извлечена из анализа распределения коррелирующих образований аориста глагола *рєчи* в тексте Начальной летописи².

Для исторической грамматики русского языка данная тема, казалось бы, особого интереса не представляет. Хорошо известно, что, в отличие от других глаголов, древние атематические формы сигматического аориста типа *рѣхъ* не были в древнерусской письменности полностью вытеснены тематическими новообразованиями типа *рекохъ*, но продолжали активно использоваться наряду с ними; при этом в варьировании старых и новых форм особой логики не просматривается (см., например: Горшкова и Хабургаев 1980, 300; ДГ 1995, 412). Представляется также очевидным, что эти древние образования уже с начала письменной эпохи не были свойственны восточнославянской речи и употреблялись лишь в силу следования книжной традиции как элемент церковнославянской языковой нормы. Дискутироваться может лишь вопрос о функциональном статусе новых форм типа *рекохъ*, однако он самостоятельного значения не имеет и может рассматриваться лишь в рамках общей проблемы состояния системы прошедших времен в раннедревнерусскую эпоху³.

Как мы увидим, соответствующий материал Повести временных лет по Лаврентьевскому списку (ПВЛ-Лавр.) обнаруживает в дейст-

вительности значительно более сложную и интересную картину, которая не только заставляет скорректировать существующие представления о состоянии данного звена морфологической системы в древнерусском, но и оказывается значимой для реконструкции истории становления текста памятника.

Но прежде чем обратиться к летописи, необходимо составить более детальное представление о фоне, на котором следует рассматривать ее данные.

2. Памятники старославянского канона в интересующем нас отношении распадаются на три группы. Первую составляют глаголические Мариинское евангелие, Синайская псалтырь и Синайский евхологий, Клоцев сборник, а также кириллическая Саввина книга; тематические новообразования типа **рекохъ** в этих кодексах вообще отсутствуют. Ко второй группе относятся Зографское и Ассеманиево евангелия, в которых новообразования засвидетельствованы по одному разу (Зогр.: **рекоста** Лк. 7, 20; Ассем.: **нарекоша** Мф. 10, 25). Наконец, особняком, как и во многих других отношениях, стоит Супрасльская рукопись, употребляющая эти формы достаточно широко: **рекохъ** (1 раз при 17 **рѣхъ**), **рекоша** (5 раз и 4 раза **нарекоша** при 50 **рѣша**), **рекоста** (6 раз и один раз **нарекоста** при 3 **рѣста**); см.: Vaillant (1948, 228)⁴.

Особо широкое распространение новых форм отмечается в ранних памятниках древнерусского извода церковнославянского языка (Koch 1990, 1, 349–350). Цифры, показывающие соотношение новых и старых форм в ряде древнерусских рукописей XI–XII вв., приведены в таблице 1, в которую для сравнения включены и данные ПВЛ-Лавр.⁵

Как видно из таблицы, в целом русские памятники XI–XII вв., начиная с древнейших, отражают широкое распространение новых тематических форм, которые нередко количественно преобладают над старыми атематическими. Рукописи, в которых новообразования представлены единичными примерами на фоне господства старых форм, составляют меньшинство⁷.

Лишний раз убедившись в этом в общем-то хорошо известном обстоятельстве, обратимся к материалу ПВЛ-Лавр.

3. На фоне других данных, представленных в таблице 1, цифры, относящиеся к ПВЛ, выглядят несколько неожиданно. Если в 1.Sg, 1.Pl. и 3.Du. распределение вполне соответствует среднестатистическому, то в 3.Pl. разрыв между старыми и новыми формами оказывается неожиданно очень велик: архаизм **рѣша** составляет в этом тексте 78% от общего числа форм, что существенно больше, чем во многих церковных памятниках XI–XII вв.

Таблица 1. Формы аориста глагола *речи* в древнерусских памятниках XI–XII вв.

	ОЕ ⁶	АЕ	МЕ	ГЕ	Пс	И73	И76	СП	УС	ЖФП	СБГ	ПВЛ	
	рѣхъ	7	15	19		10	1	54	30	3		2	
	рекохъ	27	3	24		8	2	17	3	2		3	
1.Р1.	рѣхомъ					3	1		4		0	0	
	рекохомъ					2	0		1		2	3	
2.Р1.	рѣсте											1	
	рекосте		2	1		2						0	
3.Р1.	рѣша	21	28	20		1	1	4	40	1	1	82	
	рекоша	53	22	96		4	1	10	16	1	0	23	
3.Ду.	рѣста	3	5	3					0	7		0	
	рекоста	9	3	19				6	5		2	6	
Всего	старые	31	48	42	140	27	14	3	58	81	4	1	89
	новые	89	28	140	6	1	14	3	33	25	3	4	35

Сокращения в таблице: ОЕ – Остромирово евангелие 1056–1057 гг.; АЕ – Архангельское евангелие 1092 г.; МЕ – Мстиславо евангелие XI/XII вв.; ГЕ – Галичское евангелие 1144 г.; Пс – “Бычковско-Синайская” псалтырь XI в.; И73 – Изборник 1073 г.; И76 – Изборник 1076 г.; СП – Синайский патерик XI в.; УС – Успенский сборник XII в. (кроме оригинальных древнерусских текстов); ЖФП – Житие Феодосия Печерского в УС; СБГ – Сказание о Борисе и Глебе в УС; ПВЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Для ОЕ и ПВЛ подсчеты произведены специально, суммарные данные по ГЕ и Пс заимствованы из книги Х. Коха, в остальных случаях использованы опубликованные словоуказатели к рукописям.

В этом определенно не следует видеть проявления вторичной архаизации языка самого Лаврентьевского списка. Во второй половине XIV в. пора такой архаизации для русской книжности еще не настала – напротив, это была эпоха наибольшего “обрусения” церковнославянского языка на восточнославянской почве, которое и вызвало спустя несколько десятилетий реакцию в виде “второго южнославянского влияния”. Важнее всего, однако, что сама Лаврентьевская летопись обнаруживает в данном отношении ярко выраженную неоднородность. С одной стороны, в так называемой “Суздальской” летописи, продолжающей в этом списке ПВЛ, старые формы аориста вообще не представлены; с другой – текст ПВЛ-Лавр. отчетливо распадается по данному признаку на две части – до 6524 г. и после 6552 г. (с тридцатилетней “цезурой”, в которой интересующие нас формы вообще отсутствуют). См. таблицы 2 и 3.

Сама по себе динамика распределения старых и новых форм с постепенным увеличением доли последних от начала к концу рукописи вполне отвечает новейшим представлениям о специфике языка древнерусского летописания. Еще недавно лингвистическое изучение летописей велось лишь путем суммарного описания отдель-

Таблица 2. Общее соотношение старых и новых форм в Лавр.

		I. ПВЛ 0–6524	II. ПВЛ 6552–0612	III. Сузд. 6623–6813
1.Sg.	рѣхъ	0	2	
	рекохъ	1	2	
1.P1.	рѣхомъ	0	0	
	рекохомъ	2	1	
2.P1.	рѣсте		1	
	рекосте		0	
3.P1.	рѣша	61	21	0
	рекоша	9	14	25
3.Du.	рѣста	3	1	0
	рекоста	0	6	2
Всего	старые	61	24	0
	новые	12	23	27

Таблица 3. Распределение старых и новых форм по годам в ПВЛ-Лавр.

	с	н		с	н		с	н		с	н
Введ.	7	4	6479	8		6523	2		6601	2	1
6370	4		6483	1		6524	1		6602		1
6393	1		6488	2		6552		1	6604		3
6406	1		6491	2		6559	2	2	6604 _м	3	1
6452	1		6493	1		6576	3	1	6604		
6453-1	1		6494	6		6579	3	5	6605	3	4
6453-2	7	1	6494 _{рф}	4	2	6582	3	1	6608		1
6454		2	6495	4	1	6583	1		6609		1
6472	1		6496	2		6596		1	6610		2
6476	2		6504	3		6599	1		6611		1
6478	1		6505	2	2	6600		1			

Сокращения в таблице: с – старые формы, н – новые формы; рф – Речь Философа, м – Поучение Владимира Мономаха.

ных списков или же их частей, написанных разными писцами. В последнее время, однако, ситуация изменилась, и теперь уже очевидно, что наибольшие возможности открывает иной подход, направленный на изучение языковой гетерогенности летописей как памятников, не только сложных по составу, но и представляющих особое, анналистическое направление средневековой историографии. Именно анналистическая природа летописи, создаваемой в течение длительного времени путем постепенного накопления погодных записей (анналов), делает ее способной отразить, в пределах одного текста, постепенность языковой эволюции на протяжении нескольких столетий⁸.

В рамках такого подхода расхождение между ПВЛ и продолжающей ее Суздальской летописью в оформлении аориста глагола **речи** находит свое место среди других проявлений эволюции письменного узуса, отражение которой в Лаврентьевской летописи (также на материале форм претерита) уже исследовалось в работах Э. Кленин (1993) и А. Тимберлейка (1997). Значительно больший интерес представляет различие по данному признаку между двумя частями самой ПВЛ. Оно явно сигнализирует о каких-то еще не выясненных обстоятельствах истории сложения текста, окончательно оформившегося в 1110-е годы, но, безусловно, вобравшего в себя материал более ранних летописных памятников XI в. Каких именно – остается до сих пор неясным; в частности, совсем не очевидно, что текст статей середины–второй половины XI в. появился позже, чем описание событий древнейшей истории Руси, до смерти Владимира и убийства Бориса и Глеба. Между тем именно такое впечатление оставляет картина, отраженная таблицей 2: она выглядит так, как если бы древнейшая часть ПВЛ действительно была наиболее древней не только по содержанию, но и по времени своего написания.

4.0. Все сказанное заставляет с особым вниманием отнестись к тем немногочисленным примерам новых форм, которые присутствуют в древнейшей части ПВЛ-Лавр. Таких примеров двенадцать. Восходят ли они к протографу или привнесены переписчиками? Хотя в общих чертах картина распределения по тексту ПВЛ-Лавр. новых и старых форм аориста должна отражать состояние оригинала начала XII века, отдельные инновации могли все же проникнуть в текст и при переписке. С чем же мы имеем дело в этих двенадцати случаях? Ответ на этот вопрос могло бы дать сопоставление с другими списками памятника. Однако “стандартный” набор списков ПВЛ, привлекаемых для подведения разнотчений (входящие в одну группу с Лавр. Радзивилловская и Московско-Академическая летописи, а также составляющие отдельную группу Ипатьевский и Хлебниковский списки), в данном отношении большого интереса не представляет: новые формы типа **рекоша** присутствуют в этих рукописях в значительно большем количестве, чем в Лавр., в том числе и в повествовании за X век.

Имеется, между тем, список ПВЛ, в котором картина распределения интересующих нас форм чрезвычайно близка к лаврентьевской – это Новгородская Карамзинская летопись (далее – НК). Памятник необычного состава, НК, сохранившаяся в списке конца XV–начала XVI в. (РНБ, F.IV.603), отражает, по всей видимости, протограф одной из наиболее значительных групп русских летописных сводов XV века

(так называемой “Новгородско-Софийской”)⁹. Текст ПВЛ использован в НК в особом варианте, содержащем целый ряд бесспорно весьма архаичных чтений.

На участке с начала ПВЛ по 6524 г. НК содержит 16 новых форм¹⁰, из которых 12 совпадают с читаемыми в Лавр., то есть обнаруживаются в тексте на тех же самых местах. Такой процент совпадений сам по себе уже весьма высок. Не менее показательно, что две из четырех форм, отсутствующих в Лавр., приходится на статьи, в которых и в Лавр. имеются новые формы (см. ниже примеры (10), (14)). Эти совпадения не только убеждают в том, что употребление новых форм в Лавр. отражает древнее состояние текста, но и заставляют учесть возможность того, что НК передает это состояние даже более последовательно.

Особый интерес представляют в данном отношении списки младшего извода Новгородской первой летописи (далее – НПЛ), в котором, согласно фундаментальной гипотезе А. А. Шахматова, представлен текст лежащего в основе ПВЛ Начального свода конца XI века. Старые формы аориста резко преобладают над новыми и в этом тексте. При этом из семи новых форм, общих для Комиссионного и Академического списков НПЛ (и таким образом возводимых к протографу младшего извода), четыре совпадают с читаемыми в Лавр. и НК (см. ниже примеры (6), (10)–(12)). Еще одна новая форма встречается в пассаже, текстуально расходящемся с ПВЛ¹¹. В двух оставшихся примерах, непосредственно соседствующих в статье 6495 г., вторичность новых форм не вызывает сомнения и механизм их появления вполне очевиден¹². Таким образом, степень совпадения по данному признаку между младшим изводом НПЛ, с одной стороны, и Лавр. и НК – с другой, оказывается достаточно высока.

4.1. Обратимся теперь к самим примерам. Ниже приводится их сводный список, опирающийся на Лавр., с добавлением примеров из НК¹³. Новые формы, представленные в обоих списках, отмечены двойным подчеркиванием, представленные только в одном списке – простым (в таких случаях в скобках указывается соответствующее чтение другого списка).

(1) Введение: Ини же не свѣдѹще рекоша, яко Книи естъ перевозникъ былъ (НК: глаголаху).

(2) Введение: Словѣнскѹ же языку, якоже рекохомъ, жиюще на Дѹнан, придоша от скѹфъ, рекше от козаръ, рекомни болгаре, сѣдоша по Дѹнаеви, населници словѣномъ выша.

- (3) Введение: поланомъ же жиоущемъ уsobъ, также рекохомъ, сѹще отъ рода словѣньска, и нарекошася полане.
- (4) Введение: се же свыса все: не Ѡ своета вола рекоша, но отъ бѣжа повелѣнья.
- (5) 6406: И ркоша философи: естъ мѹжъ в Гелѹнѣ, именемъ Левъ, и сѹтъ ѹ него сынове разумни языкѹ словенскѹ, и хитра два сына ѹ него и философа (только в НК, Лавр.: рѣша).
- (6) 6453: В се же лѣто рекоша дрѹжина Игоревн: штроци Свѣньлѣжи изодѣлсѹ сѹтъ шрѹжемъ и порты, а мы назн; поиди княже с нами в дань, да и ты добѹдеши и мы.
- (7) 6453: Деревляне же рекоша: приидохомъ, княгини (только в НК, Лавр.: и рѣша деревляне).
- (8) 6454: Деревляне же рекоша: ради са быхомъ гали по дань, но хощеши мѣщати мѹжа своего.
- (9) 6454: рекоша же деревляне: што хощеши оѹ насъ? ради даемъ медомъ и скорою.
- (10) 6494: И ш вскрѣни рекѣша¹⁴ (НК: рекоша): Двѣтъ: вѣстани, Бѣ, сѹди земли, тако ты наслѣдиши во всѣхъ странахъ ...
- (11) 6494: также во преже рекохъ, жидомъ прѣки избивающимъ, цѣмъ нхъ законы престѹпающимъ, предасть га в расхищенье.
- (12), (13) 6495: Ѡвѣщавше же воларе, рекше (НК: рекоша¹⁵): аще бы лнхъ законъ гречьскнн, то не бы баба твоя пригала Вльга, таже бѣ мѣрѣни всѣхъ члѣкѣ. Ѡвѣщавъ же Володимеръ, реч: идемъ (вм. где) крѣнье прнмемъ? Вни же рекоша: гдѣ ти любо.
- (14) 6505: И створиши вѣче в градѣ, рекоша: се, ѹже хощем помрети отъ глада, а отъ князя помощи нѣтъ (только в НК, в Лавр. и рѣша).
- (15) 6505: И рекоша имъ людье: почто гѹвите себе? коли можете престогати нас?
- (16) 6505: И оѹднвшася и рекоша: не имѹтъ вѣры наши князи, аще не гадат сами.
- (17) 6524: И вставше ркоша новгородци: сего мы насилья не можемъ терпѣти (только в НК, в Лавр. текст отсутствует).

4.2. Примеры (1)–(4) выступают в не разделенной на годы вводной части ПВЛ; при этом примеры (1)–(3) приходятся на ту часть Введения, которая вообще отсутствует в НПЛ младшего извода и, согласно реконструкции А. А. Шахматова, впервые появилась на этапе составления Нестором ПВЛ. Нужно заметить, что в этой ее части шах-

матовская реконструкция давно уже вызывала сомнения даже среди последователей самого Шахматова. М. Х. Алешковский (1972, 21–28, 59) предположил, что рассказ о разделе земли сыновьями Ноя и продолжающее его повествование о происхождении и расселении славян читались, хотя и менее подробно, чем в дошедшем до нас тексте ПВЛ, уже в Начальном своде (по Алешковскому, первой редакции ПВЛ, созданной около 1090 г.). В последнее время ряд убедительных доводов, свидетельствующих о том же, выдвинул В. Я. Петрухин (2000, 69–80). Таким образом, библейско-космографическое введение, по-видимому, не было единовременным добавлением составителя ПВЛ, но, как и другие ее части, представляет собой текстологически многослойное образование. Интересующие нас фрагменты, в которых представлены новые формы аориста, есть все основания относить к наиболее позднему слою Введения¹⁶.

Пример (4) находим в рассказе о хазарской дани. Приведем этот текст полностью:

По сихъ же лѣтъѣхъ, по смѣрти братьѣ сеа, быша видими древлми [и] инѣми школними. И наидоца (sic!) га козарѣ сѣдѣца на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: платите намъ дань. Съдумавше полане, и вдаша ѿ дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старининымъ (sic!) и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань ноу. Уни же рѣша имъ: ѿкуду. Уни же рѣша: въ лѣсѣ на горохъ (sic!), надъ рѣкою Днѣпрскою. Уни же рѣша: что сѣтъ въдали. Уни же показаша мечь. [И] рѣша старци козарьстни: не добра дань, княже! мы са донскахомъ оружьемъ одною стороною, рекоша¹⁷ саблми, а сихъ оружье овондѣ (sic!) встро, рекше мечь. Си имѣтъ имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же свбса все: не ѿ своета вола рекоша, но отъ Бжѣя повелѣна. Яко при Фаравонѣ цри еюпетстѣмъ, еда приведоша Моисѣа предъ Фаравона, и рѣша старѣшина (sic!) Фаравна: се хочеть смирити швласть еюпетскѣю. Якоже и быс: погнбоша еюптани ѿ Моисеа, а первое быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣже самѣмъ (sic!) владѣють. Якоже быс: володѣють [во] козари рѣсьскии [кнази и] до дншнго днѣ.

А. А. Шахматов (1908, 426–428) считал весь этот рассказ вставкой в Древнейшем своде. Полностью исключать такую возможность нельзя. Вместе с тем обращает на себя внимание, что единственная в этом тексте новая форма аориста (на семь старых!) выступает во фразе, вводящей библейскую параллель; последняя, таким образом, в языковом отношении выделяется на фоне остального повествования, что

позволяет подозревать ее вторичность¹⁸. В том, что мы действительно имеем дело со вставкой, убеждает устройство заключительной части пассажа, в которой продублированной оказывается конструкция **ѡкоже (и) бысть** – стандартный способ введения комментария к пророчеству, подтверждающего факт его исполнения¹⁹. Если первый раз эта формула следует, как и положено, за пророческими словами старейшин фараона – **ѡкоже и бысть: погнѡша єюптѡне Ѡ Моисеѡа, а первое быша работающе имъ**, – то второе ее употребление не вписывается в стандартную модель и к тому же оказывается содержательно избыточным: параллель с библейской ситуацией уже исчерпана в предыдущей фразе. Можно думать, что первоначально эти слова следовали непосредственно за словами хазарских старцев и текст имел вид²⁰:

И рѣша старьци козарьстни: не добра дань, кѣнаже! мы са донскахоумъ ороужьемъ одиною стороною, рекъше саблами, а сихъ ороужье обоюдоу остро, рекъше мечь. Си имоутъ имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Ѥкоже и бысть: володѣють бо козары роуьскини кѣнази и до днешнаго дьне.

Параллель же с Моисеем, вводимая новой формой аориста, появилась, очевидно, лишь на определенном этапе сложения текста Начальной летописи.

Пример (5) находим в Сказании о славянской грамоте, помещенном в ПВЛ под 6406 г. В НПЛ этот текст отсутствует; согласно А. А. Шахматову, он появился лишь под пером Нестора в ПВЛ.

Примеры (6)–(9) приходятся на повествование об убийстве Игоря древлянами и мести Ольги. Особняком стоит здесь пример (7), в котором новая форма читается лишь в НК. Морфологическое различие здесь увязано с синтаксическим и, скорее всего, обусловлено им. Писец НК перестроил фразу своего оригинала (**и рѣша деревляне**), решив перенести подлежащее на первое место (**деревляне же рекоша**). Изменив структуру фразы, он выбирал форму глагола уже по своему усмотрению, не ориентируясь на протограф. Таким образом, есть все основания относить данную инновацию на счет переписчика НК.

Из трех других, общих для Лавр. и НК примеров, два ((8), (9)) фиксируются в рассказе о четвертой мести Ольги, в котором старая форма **рѣша** не представлена. Между тем она семь раз встречается в рассказе о посольстве древлян к Ольге после убийства Игоря, первой, второй и третьей мести Ольги. Такое распределение форм идеально объясняется, исходя из гипотезы А. А. Шахматова о Начальном своде. Согласно этой гипотезе, рассказ о четвертой мести

Ольги, отсутствующий в НПЛ, является вставкой, сделанной при составлении ПВЛ (Шахматов 1908, 108–110; 1947, 122).

Исключительный интерес представляет пример (6). Начало рассказа об убийстве Игоря одинаково читается в Лавр. и НК, и форма **рекоша** в нем может быть с уверенностью возведена к оригиналу ПВЛ. Эта форма имеется и в НПЛ и, следовательно, если верна гипотеза А. А. Шахматова, восходит к Начальному своду. Сделанная оговорка неслучайна: она особенно уместна применительно к данному контексту, чрезвычайно сложному для анализа и представляющему собой серьезное испытание для шахматовской концепции.

Обращает на себя внимание следующая “странность”. И в НПЛ, и в ПВЛ статья 6453 г. начинается одинаковой (с точностью до **се ~ то**) формулой: **въ се же лѣто** (Лавр.), **въ то же лѣто** (НПЛ), которая в летописных текстах всегда выполняет присоединительную функцию, вводя второе, третье и т.д., но никак не первое известие годовой статьи. Это правило очевидным образом нарушено в НПЛ, где данная формула открывает собой текст годовой статьи. Между тем в ПВЛ этой статье предшествует еще одна статья 6453 г., содержащая рассказ о заключении договора Игоря с Византией и сам текст этого договора. Не к этим ли событиям отсылает формула **въ се же лѣто** в начале второй статьи 6453 г.? Но тогда как объяснить присутствие этой формулы в НПЛ: ведь согласно Шахматову, тексты договоров с греками были впервые включены в летопись только на этапе создания ПВЛ?

Резонно, однако, задаться и другим вопросом: почему номер статьи оказался продублированным в ПВЛ? Даже если считать, что слова **въ се же лѣто** в начале второй статьи 6453 г. ПВЛ имеют в виду сведения об отношениях с греками первой статьи 6453 г., такое употребление данной формулы все равно остается исключением в ПВЛ – другие случаи, когда бы эта формула следовала непосредственно за номером года, в памятнике отсутствуют. Между тем в НПЛ несколькими строками выше находим хотя и не тождественный, но явно родственный с рассматриваемым случай: **В лѣто 6448. В се лѣто яшася ѹличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть**. В позиции начала статьи после номера года **въ се лѣто** – такая же аномалия, как и **въ се же лѣто** (других подобных примеров в ПВЛ нет); соседство этих двух случаев заставляет рассматривать их вместе, предполагая за ними общие основания. Природа этой парной аномалии выясняется из общего построения текста НПЛ с конца статьи 6429 по начало статьи 6423 г. Приведем этот текст полностью.

(6429) ... Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа, и воюя на древяны и на угличѣ. И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдѣ; и примучи угличѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадѣшется единъ град, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лета, и едва взя. И бѣша сѣдѣще угличѣ по Днепру вънизъ, и посемъ придоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же дань деревьскію Свѣнделду, и имаша по чернѣ кѹне от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: се далъ еси единому мужевѣ много. Посем скажемъ въ преключившихся лѣтѣхъ сихъ.

В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433. В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436. В лѣто 6437. В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441. В лѣто 6442. В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447.

В лѣто 6448. В се лѣто яшася угличы по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду.

В лѣто 6449.

В лѣто 6450. Вѣдасть дань деревьскію Свѣнделду тому же.

В лѣто 6451. В лѣто 6452.

В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ: отроци Свѣнльжи изодѣлися сѹтъ оруженъ и порты, а мы назі; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добѣдеши, и мы. И послѹша ихъ Игорь, иде в данѣ ... (НПЛ 1950, 109–110)

Ключ к интерпретации данного фрагмента дает, как представляется, наблюдение О. В. Творогова, заметившего, что слова, с которыми дружина в статье 6453 г. обращается к Игорю, представляют собой прямое продолжение фразы, начало которой сохранилось в НПЛ в конце статьи 6430 г. Первоначальный вид этой фразы может быть восстановлен следующим образом: "...и рѣша дружина Игоревѣ: се далъ еси единому мужевѣ много, отроци Свѣнльжи изодѣлися сѹтъ оруженъ и порты, а мы назі" (ср.: Творогов 1976, 20). Смысловая и языковая безупречность этого текста является достаточной гарантией правильности найденного решения. "В таком случае фрагмент НПЛ "Посем скажемъ в преключившихся лѣтѣхъ сихъ ... В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ" должен быть признан позднейшей вставкой, попыткой ретроспективно наложить временную сетку на текст, ее до того не имевший. /.../ Редактор, располагавший текстом, в котором впоследствии регулярно встречаются абсолютные даты, решил продвинуть годовую сетку вглубь и сочинил статьи 6431–6452 гг., предварив их фразой: **Посем скажемъ въ преключившихся лѣтѣхъ сихъ** – и

пересказав в статьях 6448 и 6450 гг. то, о чем речь шла уже в статье 6430 г.” (там же).

Трактовка статей 6431–6452 гг. НПЛ, вместе с начальной фразой статьи 6453 г., как вставки, сделанной при разбиении на годы первоначально не имевшего хронологической сетки повествования, позволяет объяснить и аномальность начальных формул статей 6448 и 6453 гг. Логику редактора, решившего “задним числом” датировать уже описанные события княжения Игоря, можно попытаться понять.

Предупредив читателя о своем намерении фразой **по семь съкажемъ въ приключивъшихся**²¹ **лѣтъхъ сихъ** и выписав номера годов с 6431 по 6453, редактор начинает “привязывать” события к датам. Как бы перебирая мысленным взором хронологический ряд, он останавливается на дате 6448 и поясняет, что из изложенного выше произошло “в этом году” – появление указательного **въ се лѣто** в этой речевой ситуации совершенно уместно. Вместе с тем, устанавливая соответствия между уже известным читателю событийным рядом и рядом хронологическим, редактор не упускает из виду общей картины – отсюда упоминание “того же Свенельда” под 6450 г., отсылающее к записи под 6448 г.

Также отсылку, но иного рода, представляет и формула **въ се (то) же лѣто** в начале статьи 6453 г. Разгадка этой аномалии заключается, на наш взгляд, в том, что **же** в данном случае выступает не как усиленная частица в составе местоимения **тѣже (сьже)** ‘тот же (самый)’, а как сопоставительный союз: **тѣ же** ‘а тот’, **сь же** ‘а этот’²². Последнее в списке “приключившихся лет” таким образом сопоставляется с остальными и в первую очередь с 6448 г., запись под которым начинается с “аномального” **въ се лѣто**: “6448-й год. В этом году уличи обязались платить Игорю дань и был взят Пересечен. В этом же году он передал дань с них Свенельду /.../ 6453-й год. А в этом году сказала дружина Игорю ...” Отсюда редактор продолжил прерванный рассказ.

Итак, необычное начало статьи 6453 г. не только не противоречит гипотезе А. А. Шахматова об отражении в НПЛ Начального свода, лежащего в основе ПВЛ, но и служит еще одним подтверждением этой гипотезы. Фраза **въ се же лѣто рекоша дружина Игореви** может быть адекватно понята только в контексте НПЛ, где она органично завершает фрагмент, распределяющий по годам события княжения Игоря, – в ПВЛ этот контекст нарушен введением обширных дополнений, вследствие чего начало фразы выглядит малообъяснимой аномалией. Таким образом, текст НПЛ обнаруживает на этом участке свою первичность относительно ПВЛ. В то же время данный

пример наглядно демонстрирует существование более глубокого текстового пласта Начальной летописи, чем Начальный свод 1090-х гг.; по отношению к этому пласту, представлявшему собой не разделенное на годы повествование, весь текст НПЛ с последней фразы статьи 6430 г. по первую фразу статьи 6453 г. является вставкой. Именно этим объясняется новая форма **рекоша** в примере (6): в первоначальном варианте той же фразы, читаемом в статье 6430 г. НПЛ, находим старую форму: **рѣша дружина Игоревѣ**²³.

Примеры (10), (11) обнаруживаются под 6494 г. в так называемой “Речи Философа” – кратком изложении Священной истории, вложенном в уста греческого миссионера и оформленном в виде диалога с Владимиром. Как бы ни решался вопрос о происхождении этого важнейшего текста (см. из новейшей литературы: Трендафилов 1990; Trunte 1993), очевидно, что в составе ПВЛ он занимает особое положение и так или иначе является вставкой. Этим вполне можно было бы ограничиться, объяснив таким образом появление в “Речи Философа” сразу двух новых форм аориста. Однако легко обнаружить, что сама “Речь Философа” по данному признаку неоднородна. Обе новые формы выступают в той ее части, которая содержит подборку цитат из пророков и заключающий ее обмен репликами между Владимиром и Философом, служащий переходом к изложению событий новозаветной истории. В то же время в собственно “исторической” (как ветхо-, так и новозаветной) части “Речи” употребляются (5 раз) только старые формы аориста. Это наводит на мысль, что вся “пророческая” часть является вставкой в текст, первоначально лишь коротко упоминавший о деятельности пророков по ходу изложения Священной истории. В пользу такой трактовки говорят и другие факты. Слова **и нача посылати пророкы** дважды повторены на протяжении короткого фрагмента текста; получается, что речь идет о двух этапах пророческого движения, для чего Библия оснований не дает. С другой стороны, фраза **предасть ѿ в расхищенье** в пассаже **жидомъ прѣки извивающимъ, цѣмъ ихъ законы прѣстѣпающимъ, предасть ѿ в расхищенье, и въ плѣнь ведени быша** является грамматически неполной, так как лишена подлежащего²⁴. Можно думать, что некогда она составляла продолжение фразы **разгнѣвася Бѣ на Израѣль**, читаемой несколькими страницами выше, перед подборкой цитат²⁵. Соотношение между исходным текстом и вставкой может быть реконструировано следующим образом (текст вставки заключен в квадратные скобки и выделен мелким шрифтом; части разорванной вставкой первоначальной фразы выделены подчеркиванием):

Таче и въ Иерусалимѣ начаша забывати Бѣ и покланатисѧ Валоу, рекъше ратьноу богоу, кже ксть Орѣи, и забыша Бѣ отъць своихъ. И нача Бѣ посылати къ нимъ пророки. Пророци же начаша обличати га о безаконьи ихъ и слоуженьи коумиромъ. Они же начаша пророки избивати обличакми отъ нихъ. И разгнѣвасѧ Бѣ на Израила и [рече: отриноу отъ себе, призовоу ины люди, иже мене послоушають, аще съгрѣшатъ, и не поманоу безаконья ихъ. И нача посылати пророки, глагола имъ: прорицанте о отвѣрженьи жидовствѣ и о призваньи странѣ. Первое же нача пророчествовати Осѣи, глагола ... *<подборка цитат из пророков>* ... и много пророчествоваше о немъ, кже свѣстьсѧ все. Рече же Володимѣръ: то кое время съвѣстьсѧ? и было ли се ксть? еда ли то първо хощеть быти се? Онъ же отвѣщавъ рече кму, како оуже преже съвѣстьсѧ все, егда Бѣ въпльтисѧ. Якоже во преже рекохъ, жидомъ пророки избивающимъ, цѣсаремъ ихъ законы престоупающимъ] предасть га въ расхыщенькѣ, и въ плѣнъ ведени быша въ Осурнию грѣхъ ихъ ради, и работаша тамо лѣтъ 70 и по семь възвратишасѧ въ землю свою, и не бѣ оу нихъ цѣсара, нъ архирѣи обладахоу ими.

Трудно сказать, современна ли эта вставка включению Речи Философа в летопись или была сделана позже, в одном из сводов XI в. – предшественников ПВЛ. Вопрос этот нуждается в специальном рассмотрении. Однако очевидно, что новые формы аориста характеризуют не этот текст в целом, а лишь внесенную в него интерполяцию²⁶.

Примеры (12), (13) следуют один за другим в заключительной части рассказа об “испытании вер”, что едва ли может объясняться случайностью, особенно на фоне употребления в окружающем тексте статей 6494–6496 гг. (без “Речи Философа”) двенадцати старых форм. И действительно, текст в этом месте обнаруживает признаки редактуры. Еще А. А. Шахматов отметил, что фраза *Ѡвѣщавше же воларе, рекоша* ... находится в тексте не на своем месте. В качестве реакции на отчет послов Владимира она совершенно неуместна, зато органично вписывается в контекст начала статьи, где Владимир, рассказав о приходе к нему представителей трех конфессий, обращается к боярам за советом: *да что ѹма придасте, что отвѣщаете?* Исходя из этого, Шахматов считал рассказ о посольствах Владимира к болгарам, немцам и грекам позднейшей вставкой (см.: Шахматов 1908, 150–151). Но, как мы видим, языковые признаки вставки обнаруживает не этот рассказ, а продолжающий его обмен репликами между Владимиром и боярами. Сам же эпизод с посольствами Владимира не содержит ничего, что заставляло бы подозревать его вставное происхождение. С точки зрения содержания посещение мужами Владимира болгар, немцев и греков зеркально соответствует приходу представи-

телей тех же трех конфессий к Владимиру. Важным свидетельством исконности этой симметричной композиции является отсутствие посольства к хазарским иудеям: упоминание хазарской миссии в первом эпизоде не без оснований считается вставкой, нарушившей эпическую троичность, свойственную первоначальному повествованию (см.: Лихачев 1950, 454).

Примиришь эти факты, находящиеся между собой в видимом противоречии, можно, предположив, что в окончательном тексте ПВЛ контаминированными оказались две версии рассказа о “выборе веры” – более ранняя и более поздняя. В первой реакцией бояр на сообщение Владимира о приходе к нему болгарских, немецких и греческих миссионеров было предложение направить собственных послов в эти страны для “испытания” их “службы”, а окончательным аргументом в пользу принятия греческого христианства оказывалась красота византийского богослужения. В более поздней версии этот эпизод был опущен, и в ответ на речь Владимира, уже склоняющегося к принятию греческой веры, бояре ссылались на прецедент Ольги, в свое время уже принявшей “закон греческий”.

Предположение это, конечно, нуждается в проверке, но так или иначе текстологическая неслучайность новых форм аориста в контекстах (12), (13) представляется несомненной.

Следующие три примера (14)–(16) приходятся на рассказ о “белгородском киселе” в статье 6505 г.; как и четвертая месть Ольги, он отсутствует в НПЛ и является, согласно Шахматову (1947, 153), вставкой, сделанной Нестором в ПВЛ.

Последний в нашем списке пример (17) выступает (только в НК) в рассказе о борьбе Ярослава со Святополком. Происхождение этого рассказа в ПВЛ остается предметом дискуссий; употребление новой формы аориста может сигнализировать о принадлежности его к текстологическому пласту, отличному от того, к которому относится большая часть повествования Начальной летописи за X век. Фактически этот пример, поначалу отнесенный нами к древнейшей части ПВЛ, примыкает к более поздним контекстам, в которых новые формы аориста фиксируются уже не как единичные, текстологически маркированные исключения, а как нейтральные элементы языка “основного” повествования, выступающие в свободном чередовании со старыми формами²⁷.

4.3. Итог рассмотрения контекстов, в которых в древнейшей части ПВЛ (по статье 6524 г.) встречаются новые формы аориста глагола речи, представляется чрезвычайно показательным. Из 16 примеров, возводимых к созданному в 1110-х гг. протографу, все, кроме послед-

него, выступают во фрагментах, которые, по тем или иным причинам, могут считаться вставками в первоначальный текст.

Девять примеров ((1)–(3), (5), (8), (9), (14)–(16)) приходятся на тексты, отсутствующие в НПЛ и в свое время трактованные А. А. Шахматовым как добавления к Начальному своду, сделанные составителем ПВЛ. Особенно показательны наличие новых форм в рассказах о четвертой мести Ольги и “белгородском киселе”. Эти тексты читаются в той части ПВЛ, в которой ее отличия от текста НПЛ минимальны; в принципе отсутствие их в последней можно было бы объяснять сокращением источника, что и предполагали оппоненты А. А. Шахматова – В. М. Истрин и С. А. Богуславский. Аргументы (хоть и весьма веские, на наш взгляд), выдвигавшиеся в пользу вставного происхождения первого из этих рассказов, до сих пор носили косвенный характер и потому легко могли быть игнорируемы противоположной стороной²⁸. Теперь же сторонникам идеи сокращенного воспроизведения текста ПВЛ в НПЛ младшего извода необходимо будет объяснить, каким образом осуществлявшему это сокращение книжнику удалось сократить именно те фрагменты, которые в языковом отношении (по одному и тому же признаку) выделялись в самой ПВЛ. Вероятность случайного совпадения статистически в данном случае ничтожно мала. Таким образом, сделанные наблюдения представляют собой, на наш взгляд, не что иное, как лингвистическое доказательство гипотезы А. А. Шахматова о Начальном свode.

4.4. Остальные шесть примеров выступают в тексте, общем для ПВЛ и НПЛ; соответствующие вставки, следовательно, имелись уже в Начальном свode и могли быть сделаны или при его составлении в 1090-х гг. или же на еще более ранних стадиях формирования текста Начальной летописи. Эти примеры уводят нас в проблематику соотношения древнейших русских летописных сводов, далеко выходящую за рамки данной статьи. Однако несколько замечаний на этот счет уместно будет сделать уже сейчас.

Как известно, А. А. Шахматов относил начало русского летописания к 1039 г., которым ученый датировал создание Древнейшего Киевского свода. За ним в реконструкции Шахматова следуют Киево-Печерский свод Никона 1073 г., Начальный свод 1093–1095 гг. и Повесть временных лет в трех ее редакциях. Но если существование свода 1090-х гг. (“Начального свода”) предполагается так или иначе всеми последователями Шахматова, то относительно первых двух этапов мнения расходятся – от полного принятия шахматовской схемы М. Д. Приселковым (1940, 21–34) до осторожного скептицизма Я. С. Лурье (1985, 195; 1990, 189–193), не включающего Древнейший

свод и свод 1073 г. в генеалогическую схему русских летописей как реконструкции, лишь в очень незначительной степени подкрепленные сравнительным материалом.

Последняя точка зрения исходит из признания единственным инструментом текстологического анализа внешнего сравнения летописных текстов. Между тем и там, где возможности такого сравнения оказываются исчерпанными, текст ПВЛ в своей внутренней структуре содержит немало следов его неединовременного происхождения. Анализ этих следов (содержательных противоречий, нарушений последовательности изложения, грамматической и смысловой связности текста) активно использовался Шахматовым в его реконструкциях; многочисленные наблюдения, сделанные в этом направлении самим Шахматовым и его последователями, остаются в силе и ждут своего продолжения. Отдельные же положения, относящиеся к ранним этапам становления текста Начальной летописи, можно считать доказанными. В частности, не должно вызывать сомнений, что в основе ПВЛ и предшествовавшего ей свода 1090-х гг. лежало повествование, не разделенное на годы. Восстановление этого этапа, в не меньшей степени, чем реконструкция Начального свода, является текстологической необходимостью, вытекающей, однако, не из внешнего сравнения, а из наличия многочисленных следов вторичного разбиения на годы этого исходного текста. Об одном из таких случаев речь шла выше (см. разбор примера (6); перечень других аналогичных контекстов см.: Алешковский 1971, 64–65).

Другим важнейшим инструментом текстологической стратификации является языковая и стилистическая гетерогенность летописного текста. В изучении начального русского летописания это направление пока делает свои первые шаги. Выше мы попытались продемонстрировать перспективность этого метода. Мы видели, с какой последовательностью немногочисленные в древнейшей части ПВЛ новые формы аориста глагола *речи* маркируют вставки в первоначальный текст²⁹. В ряде случаев этим лишь подтверждаются сделанные ранее текстологические выводы, в других же – и такие случаи представляют, естественно, особый интерес – выделяемые таким образом вставки обнаруживаются впервые. Это относится к вставкам в рассказе о хазарской дани, Речи Философа и эпизоде испытания вер.

Из проведенного анализа вытекает вместе с тем и одно важное следствие более общего свойства. В начале статьи мы констатировали то парадоксальное обстоятельство, что в ПВЛ архаические формы аориста типа *рѣхъ* преобладают над инновациями типа *рекохъ* со значительно большим перевесом, чем в большинстве дошедших до

нас русских рукописей XI–XII вв. Теперь мы имеем возможность объяснить, чем вызвано это расхождение. Мысленно удалив из текста ПВЛ и Начального свода за X век перечисленные выше вставки, мы получаем обширный текст, включающий сказания о первых русских князьях до Владимира, а также, по-видимому, фрагменты первоначального рассказа о крещении Руси. Важнейшей языковой характеристикой этого реконструируемого повествования является употребление в нем исключительно старых форм аориста типа *рѣхъ*³⁰. Возникает вопрос: когда мог быть написан такой текст, если во всех датированных русских рукописях второй половины XI в. новые формы представлены уже в значительном количестве, а в некоторых даже господствуют?

Такая постановка вопроса делает, на наш взгляд, лингвистически весьма вероятным отнесение начала летописания на Руси ко времени до середины XI в. Предположив более позднюю датировку реконструируемого текста (скажем, увидев в нем “свод 1073 г.”), мы оказываемся перед следующей альтернативой: необходимо или признать особый консерватизм автора этого первого памятника русской историографии в соблюдении литературной нормы, архаичной даже для канонической церковной книжности своего времени (для чего другие основания отсутствуют³¹), или же, напротив, допустить, что старые формы аориста преобладали в живой речи киевского автора второй половины XI в. (но тогда трудно объяснить их полное исчезновение на протяжении нескольких последующих десятилетий). Эта дилемма, между тем, оказывается снятой, если предположить, что интересующий нас текст был создан в эпоху, предшествующую написанию Остромирова евангелия и Изборников Святослава, то есть принадлежал более раннему поколению древнерусской книжности, еще не знавшему новых форм типа *рекохъ*³². С точки зрения истории языка это предположение означает, что переход от старых форм аориста к новым совершился в древнерусском на протяжении XI в., то есть примерно тогда же, когда и у южных славян; с точки зрения истории летописания оно возвращает нас к наиболее ранним сценариям начала русской историографии³³.

5.0. Мы видим теперь, какие неожиданные перспективы открывает для изучения начального летописания текстологически ориентированный анализ даже одной элементарной оппозиции из области глагольного словоизменения. Сделанные наблюдения хотелось бы, конечно, развить и проверить на материале более обширного набора языковых признаков. Правда, нужно учитывать, что возможности

расширения этого набора далеко не безграничны. Из текстологически релевантных морфологических признаков рассмотренный нами является, по-видимому, наиболее ярким, удачно сочетая высокую частотность со структурной характерностью. Морфологическая оппозиция здесь затрагивает не флексию, а основу словоформы: различие между *рѣша* и *рекоша*, *рѣхъ* и *рекохъ*, безусловно, более бросалось в глаза и в меньшей степени нивелировалось при копировании, чем, например, противопоставление окончаний *-аго* и *-ого* в род. падеже членных прилагательных. Более мелкие различия в области флексии, равно как и большинство первоначальных орфографических расхождений между отдельными пластами летописного текста и его фрагментами, восходящими к разным источникам, оказались безвозвратно утерянными в процессе многократной переписки. В нашем распоряжении имеется, однако, еще широкий круг лексических и синтаксических признаков, индивидуальных стилистических примет и приемов организации нарратива, анализ которых с точки зрения принадлежности их разным текстовым пластам никогда не производился.

Убедиться в плодотворности такого анализа можно, продолжив рассмотрение контекстов с прямой речью, где выбор между вариантными формами аориста составляет лишь одну из альтернатив, с которыми приходилось иметь дело летописцу. Текстологически релевантными оказываются еще по крайней мере три признака, связанных с оформлением этих контекстов.

5.1. Рассматривая контекст (12), (13), нетрудно заметить, что употребление в нем два раза подряд формы *рекоша* корреспондирует с также двукратным использованием оборота *отвѣщавъ рече* (*отвѣщавше рекоша*). Этот оборот, представляющий собой синтаксический гречизм, в древнейшем повествовании ПВЛ (по статью 6524 г.) встречается всего пять раз³⁴. Помимо уже приведенного, находим его в следующих контекстах:

(18) 6463: Ѡвѣщавши Ѡльга, и рече къ словѣ: аще ты, рьци, такоже постоиши оу мене въ Починѣ, такоже азъ въ Сюдѹ, то тогда ти дамь.

(19) 6494: Ѡвѣщав же философъ реч: аще хоцещи послушати, да скажу ти изначала, чьсо ради сниде Бѣ на землю.

(20) 6494: Ѡнъ же Ѡвѣщавъ, реч емѹ, такоже преже свысться все, егда бѣ воплотися³⁵.

Примеры (19) и (20) приходятся на диалог Владимира с Философом, в котором, как мы видели, представлены и новые формы аориста (см. выше, примеры (10), (11)). Корреляция между двумя призна-

ками обнаруживается, таким образом, и здесь, что делает весьма вероятной принадлежность обоих текстов одному, причем не первоначальному, текстологическому пласту. Однако особенно интересен тот факт, что оставшийся пример из статьи 6463 г. принадлежит рассказу о поездке Ольги в Царьград и ее крещении³⁶. Дело в том, что и в диалоге Владимира с боярами ((12), (13)) аргумент последних в пользу “закона греческого” состоит в ссылке на крещение Ольги. Таким образом, один и тот же редкий в ПВЛ оборот выступает в контекстах, тематически связанных друг с другом, что вряд ли может быть случайным совпадением. Не является ли и рассказ о крещении Ольги вставкой, синхронной редактированию первоначальной версии рассказа о крещении Владимира?

5.2. Важнейшая альтернатива, связанная с оформлением прямой речи, заключалась в выборе между конструкциями с личной или же причастной формой самого глагола *речи*. Отдав предпочтение причастной конструкции, книжник во многих контекстах мог выбирать между формами причастий настоящего и прошедшего времени. При этом, если конструкции с причастиями настоящего времени (типа *послаша, рекуще*: “...”) распределены по тексту достаточно равномерно (как и причастные конструкции в целом), то в употреблении при прямой речи причастий прошедшего времени (*послаша, рекше*: “...”) обнаруживается ярко выраженная неоднородность. Как и в случае с формами аориста, высокую степень совпадений с Лаврентьевской летописью демонстрирует по данному признаку Новгородская Карамзинская летопись. Ниже приводится составленный на основе двух списков полный перечень контекстов с причастиями прошедшего времени по статье 6524 г. включительно (разметка – та же, что и в примерах (1)–(17)).

(21) 6392: и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ не чѣмъ (в НК статья отсутствует).

(22) 6463: оудививъса црь разуму ея, вестѣдова к неи и рекъ ен: подобна еси цртѣти въ град с нами

(23) 6463: “...”. И ѿтпусти слы, съ (вм. си) рекъши

(24) 6463: “...”. И се рекши, молашеса за сна и за люди по вса ноци и дни.

(25) 6494: си слышавъ Володимеръ, блюну на землю, рекъ (НК: рече): нечисто есть дѣло.

(26) 6494: приемъ хлѣвъ и рекъ (в НК и др. списках, в Лавр. пропуск): се есть чѣло мое, ломимое за вы.

- (27) 6494: видѣвъ же первыи ѿ анѣлъ, старѣшина чинѹ анѣлкѹ, помысли въ себе, рекъ (НК: рече): сниду на землю и прииму землю. и бѹду подобенъ Бѹ.
- (28) 6494: [тѣ] бо единъ [не] приложисѧ къ безумью ихъ, рекъ сице: аще бы члѣкмъ Бѣ рекъ на нѣво столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ Бѣ словомъ ...
- (29) 6494: и не дасть емѹ еѧ Лава[нъ] оѹи его, рекъ: старѣшюю помни.
- (30) 6494: оудари жезломъ въ камень, рекъ: еда и-сего не испустиве вод
- (31) 6494: первое нача пррчствовати ѡ воплощени Бжѣвъ, рекъ: и-щрева преже деньница родихъ тѧ.
- (32) 6494: постави единѹ въ Вефилѣ на холмѣ, а другѹю въ Ѣнданѣ, рекъ: се ба твоя, Изрѣлю.
- (33) 6494: Тако Бѹ възлюбившю новыѧ людъ, рекъ: им[ам]ъ снити к нимъ самъ.
- (34) 6494: Иродъ же се слышавъ, посла, рекъ: извините младенца сѹщѧа .Ѣ. лѣт.
- (35) 6494: ѡнъ же въ .Ѣ.-и днѣ вскрьсе, гависѧ оучникъ, вскрьсѣ из мртѣвхъ, рекъ имъ: идѣте во всѧ вѣки и наоучите всѧ страны.
- (36) 6494: "...". И се рекъ, възношашесѧ на нѣво.
- (37) 6494: вложивъ рѹно на гѹмнѣ, рекъ (НК: рече): аще бѹдетъ по всен земли роса, а на рѹнѣ сѹша, и быс тако.
- (38) 6494: "...". И се рекъ, показа Володимерѹ заповѹ, на неже бѣ написано сѹдище гсдне.
- (39) 6494: Володимеръ же положи на сѣци своемъ, рекъ: пождѹ и еще мало.
- (40) 6496: видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави Бѧ, рекъ: топерво оувидѣхъ Бѧ истиннаго.
- (41) 6496: и пристави Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то ѡрѣванте его ѿ берега.
- (42) 6496: "...". И се рекъ, повелѣ рѹвити цркви и поставлати по мѣстомъ, идеже стогахѹ кѹмири.
- (43) 6504: и помолившюсѧ емѹ, рекъ сице: даю цркви сен стѣни Бци ѿ имѣнья моего и ѿ градъ монхъ десѧтѹю часть.
- (44) 6504: и положи написавъ клѧтвѹ въ цркви сен, рек: аще кто сего посѹдитъ, да бѹдетъ проклатъ.
- (45) 6504: оустрои же и се, рек, тако: немощни и болни не могутъ долѣсти двора моего.

(46) 6504: се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены части дружинѣ, рек сице: тако сребромъ и злато и не имаи налѣсти дружины, а дружиною налѣзү сребро и злато.

(47) 6523: Сѣтополкъ же шканьныи помысли въ собѣ, рекъ: се үбихъ Бориса, како вы үбити Глѣба.

(48) 6524: и събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочихъ вон .л. и поиде на Сѣтополка, нарекъ Бя, рекъ (НК: рече): не га почахъ избивати братю, но шнѣ³⁷.

Пример (21) под 6392 г. находим в тексте, отсутствующем в НПЛ и, вероятно, появившемся при составлении ПВЛ. Компактную группу образуют примеры (22)–(24), под 6463 г. в рассказе о крещении Ольги и отношениях Ольги-христианки с сыном Святославом. Под 6494 г. рассматриваемая конструкция представлена четыре раза в диалоге Владимира с Философом ((25), (26), (38), (39)) и 11 раз ((21)–(27)) в Речи Философа. Трижды она выступает в рассказе о крещении Владимира ((40)–(42)) и еще четыре раза – в эпизоде освящения Десятинной церкви ((43), (44)) и в примыкающем к нему описании пиров Владимира ((45), (46)). Последние два примера ((47), (48)) относятся к рассказу об убийстве Бориса и Глеба и борьбе Ярослава со Святополком.

Как можно заметить, области текста, в которых встречаются конструкции с причастием прошедшего времени, в значительной степени пересекаются с теми, где фиксируется употребление новых форм аориста типа рекоша. Зону пересечения составляют 1) пассажи, читаемые лишь в ПВЛ и, по-видимому, отсутствовавшие в Начальном своде, 2) диалог Владимира с Философом и Речь Философа, 3) статья 6524 г. (борьба Ярослава со Святополком).

Имеются и отличия: новые формы аориста характеризуют не всю Речь Философа, а лишь определенный ее фрагмент, выделяемый нами в интерполяцию; между тем активное использование в контекстах с прямой речью причастия прошедшего времени свойственно этому тексту в целом. Особенно примечательно наличие сразу трех таких конструкций в статье 6463 г. ((22)–(24)): мы только что видели, что употребление оборота отвѣщавъ рече объединяет рассказ о крещении Ольги со вставкой в эпизоде испытания вер ((12), (13)), также упоминающей Ольгу и при этом дважды использующей форму рекоша. Вставное происхождение этого рассказа становится таким образом еще более вероятным³⁸. Наконец, повествование о дея-

тельности Владимира после крещения ((43)–(46)) впервые выделяется именно по данному признаку³⁹.

5.3. Последний признак, который мы рассмотрим, связан с использованием для оформления прямой речи причастий настоящего времени. Возникавшая здесь проблема выбора между вариантными русскими и церковнославянскими формами текстологического интереса не представляет: Им. ед. муж. представлен в тексте исключительно русскими формами (рька, река), а остальные позиции – только церковнославянскими (ре(ь)кѹще, -щи). Но если последние распределены по тексту достаточно равномерно и без видимой закономерности, то в употреблении формы рька (река) такая закономерность прослеживается⁴⁰. В рассматриваемой части ПВЛ встретилось всего 7 таких форм:

(49) 6393: посла къ Радимичемъ. рька камо дань даеѣ (в НК статьи нет).

(50) 6406: се же слышавъ папежь Римьскии, похѹли тѣх; иже ропыщѹтъ на книги словеньскиа, река: да са исполнить книжное слово ... (НК: рекоша)

(51) 6420: Улег же посмѣсася и ѹкори кѹдесника, река (НК: рекъ): то ти неправо глѹть волъсви

(52), (53) 6479: и посла слы ко цѣви въ Деревьстръ, во вѣ тѹ цѣрь, рька (НК: рекше) сице: хочю имѣти миръ с тово[ю] твердъ и любовь. Се же слышавъ [цѣрь], радъ быс и посла к нему дары больша первых. Сеѣославъ же приа дары и поча дѹмати съ дѹжиною своею, рька (НК: рекше): сице аще не створимъ мира со цѣмъ, а ѹвѣсть цѣрь, тако мало насъ есть, пришедше, встѹпать ны въ градѣ.

(54) 6494: а ш питѣи штинѹдъ рька (НК: рече): Рѹси есть веселье питье, не можемъ бес того быти.

(55) 6494: Адамъ же и Евга плачющася вѣста, и дьяволъ радовашес, рька: се егоже Бѣ почти, азъ створихъ емѹ ѿпасти Бѣ.

Первые пять из этих семи примеров приходятся на тексты, читаемые лишь в ПВЛ. Характерно, что контекст (49) непосредственно соседствует с контекстом (21), в котором представлена форма рекъ: краткие однотипные записи, точно датирующие обложение Олегом данью древлян (6391), северян (6392) и радимичей (6393), по всей видимости, представляют собой плод реконструкции Нестора. К тому же текстологическому пласту относятся и сказание о славянской грамоте (50), рассказ о смерти Олега (51) и предваряющее текст дого-

вора с греками добавление к рассказу Начального свода о походе Святослава на Византию под 6479 г.⁴¹

В тексте, общем для ПВЛ и НПЛ, форма **рька** представлена в Лавр. лишь в ответе Владимира болгарам (54) и Речи Философа (55), то есть в той же зоне, в которой отмечается употребление новых форм аориста и конструкций с причастиями прошедшего времени⁴².

б. Резюмируя наши наблюдения, можно констатировать существование очевидных корреляций между картинками распределения по тексту ПВЛ четырех признаков, участвующих в оформлении прямой речи. Представляется несомненной и текстологическая подоплека этих корреляций: как и в случае с новыми формами аориста, подавляющее большинство контекстов, в которых выступают другие маркированные элементы (оборот **отвѣщавъ рече**, конструкции с причастием прошедшего времени, форма **рька**), приходится на тексты, которые по разным причинам могут быть квалифицированы как вставки в первоначальное повествование или его продолжение. Рассмотренные по отдельности, эти три признака не дают столь выразительной картины, как соотношение вариантных форм аориста; соответствующие данные поддаются текстологической интерпретации лишь в связи с этим “основным” признаком. Вместе с тем эти данные не просто повторяют, но существенным образом дополняют и углубляют картину, полученную на основании анализа основного признака. Области распространения рассмотренных четырех элементов совпадают лишь частично: каждый признак обладает, так сказать, собственным текстологическим “рисунком”. Так, если особая концентрация конструкций с причастиями прошедшего времени наблюдается в Речи Философа и обрамляющем ее диалоге, то формы **рька** определенно тяготеют к текстам, появившимся на заключительном этапе создания ПВЛ. Начальная летопись – образование многослойное, и естественно, что разные формальные признаки по-разному противопоставляют разные ее пласты.

Действенным инструментом текстологической стратификации летописи анализ ее формальной (языковой и стилистической) гетерогенности способен стать лишь во взаимодействии с традиционными методиками. Примеры такого взаимодействия уже были приведены выше. Мы видели, как вставки, о наличии которых сигнализирует употребление новых форм аориста, подтверждаются текстуальным анализом, обнаруживающим в соответствующих местах очевидные дублировки и нарушения связности изложения. В других случаях данные формального анализа верифицируются наблюдениями над со-

держанием соответствующих пассажей (ср. содержательную и формальную переключку между рассказом о крещении Ольги и вставкой в эпизоде испытания вер, а также соотношение двух вставок в Речи Философа).

Именно возможность сопоставления и взаимной верификации результатов сравнительно-текстологического, содержательного, текстуального и формального анализа позволяет рассчитывать на большую объективность выводов по истории текста Начальной летописи, которые могут быть получены на пути этой методологической интеграции.

7. В заключение повторим основные текстологические выводы, к которым мы пришли. Важнейшим из них представляется подтверждение на независимом основании гипотезы А. А. Шахматова об отражении в младшем изводе Новгородской первой летописи свода, более древнего, чем Повесть временных лет, и лежащего в ее основе. Отсутствующие в НПЛ и читаемые лишь в ПВЛ пассажи являются маркированными и в языковом отношении, что окончательно убеждает в справедливости трактовки их Шахматовым как вставок в Начальный свод, сделанных составителем ПВЛ. Альтернативная точка зрения, предполагающая сокращение в НПЛ текста ПВЛ, не в состоянии объяснить данное обстоятельство.

В пределах общего для НПЛ и ПВЛ текста оказалось возможным лингвистически разграничить зоны, которые могут быть предположительно охарактеризованы как первоначальное “ядро” и его последующие распространения. К последним относится, с одной стороны, продолжение летописи (начиная, видимо, со смерти Владимира), а с другой – позднейшие напластования в зоне “ядра”, включающие как целые тексты вторичного происхождения (рассказ о крещении Ольги, Речь Философа вместе с обрамляющим ее диалогом, описание деятельности Владимира после крещения), так и отдельные вставки, выявляемые, в частности, в рассказе о хазарской дани, в Речи Философа, в эпизоде “выбора веры”.

К первоначальному ядру, контуры которого (пока очень предварительно) очерчиваются путем исключения из текста, представленного в НПЛ, этих лингвистически маркированных фрагментов, а также пассажей, заимствованных из Хронографа, могут быть отнесены (частично) повествование о первых русских князьях – от основания Киева тремя полянскими братьями до смерти Святослава, рассказ об усобице сыновей Святослава, вокняжении Владимира в Киеве и его деятельности до крещения, а также, по-видимому, исходная вер-

сия рассказа о крещении Руси, от которой в ПВЛ сохранился лишь эпизод “выбора веры”⁴³. Заметим, что у нас нет оснований считать этот текст летописным сводом в шахматовском понимании, то есть памятником компилятивным, использующим разные источники; скорее можно говорить о цельном повествовании – “зародыше” русской историографии. Тот факт, что это повествование не прослеживается далее крещения Руси, позволяет не исключать возможности появления его еще в княжение Владимира.

Лингвистически этот текст характеризуется по рассмотренным признакам исключительно отрицательно: в нем отсутствуют новые формы аориста типа *рекоша*, оборот *отвѣщавъ рече*, конструкции с причастиями *рекъ(-ше, -ши)*, *рька*. Такая негативная охарактеризованность достаточно показательна: в то время как полное отсутствие новых форм аориста делает данный текст чрезвычайно архаичным по языку, однообразное оформление контекстов с прямой речью отражает общую неразработанность в нем структуры нарратива⁴⁴. И то и другое как нельзя лучше отвечает трактовке этого повествования как древнейшего “ядра”, на базе которого происходило формирование Начальной летописи⁴⁵.

Когда именно был написан этот основополагающий для русско-го летописания текст? Какие этапы отделяют его от свода конца XI в., отраженного НПЛ? Как распределяются по этим этапам многочисленные вставки и добавления? Эти вопросы, отчасти сформулированные еще А. А. Шахматовым, встают теперь перед нами с новой остротой. Изложенные выше текстологические соображения носят пока сугубо предварительный характер. Целью настоящей работы было продемонстрировать возможности лингвистического инструментария для стратификации ПВЛ. Выявленные факты лишь сигнализируют о сложном соотношении текстовых пластов, образующих Начальную летопись. Интерпретация этих сигналов должна составить предмет особого исследования⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор с благодарностью вспоминает лекции и семинары Г. А. Хабургаева по старославянскому языку и исторической грамматике русского языка, которые ему довелось посещать в 1980–1982 гг. в бытность студентом филологического факультета МГУ. Отношение Георгия Александровича к “Повести временных лет” было особенным, сродни тому, какое связывало с этим текстом глубоко почитавшегося им А. А. Шахматова. Среди незавершенных планов Г. А. Хабургаева была и реконструкция первоначального морфологического облика “Повести”.

² Термин ‘Начальная летопись’ мы употребляем, обозначая таким образом всю совокупность памятников киевского летописания XI – начала XII в., включая различные редакции Повести временных лет и предшествовавшие ей летописные своды.

³ Различие в функциональном статусе новых и старых форм хорошо иллюстрирует материал “Вопрошания Кирика” (вторая четв. XII в.) по списку Новгородской Кормчей 1282 г. В этом тексте, имеющем диалогическую структуру, форма **рѣхъ** постоянно употребляется в паре с **рѣхъ** в обрамлении диалога. Там же, где 1.Sg. глагола **речи** единственный раз выступает в самом передаваемом диалоге, находим новую форму: **Аще кто придетъ ко мнѣ на покааник, не азъ ли, владыко, повелѣти ко иномоу попоу ити? – И реч: аже начнешь оуправлати, а не примешь, грѣхъ ксть. И рѣхъ: азъ гроубын, несмыслыни. /.../ И много о томъ поскоревѣхъ къ нему. – О немже, реч, не рекоу ти воле, како то ти преже рекоухъ.** (Павлов 1908, 52). Из этого можно заключить, что еще в эпоху Кирика новые формы сигматического аориста, в отличие от старых, были не полностью чужды живой древнерусской речи.

⁴ Комментируя этот материал, Х. Кох в своем фундаментальном описании старославянского глагола отмечает, что инновации значительно быстрее распространяются у приставочных глаголов: уже в Супрасльской рукописи глагол **нарѣшти** образует исключительно тематические формы **нарекша** и **нарекста**; та же тенденция прослеживается и в церковнославянских памятниках разных изводов (Koch 1990, 2, 619). К этому можно добавить, что неоднородность темпов распространения данной морфологической инновации проявляется и в различной частотности, с которой новые формы заполняют разные клетки парадигмы. Обращает на себя внимание особая “продвинутость” в этом отношении форм дуалиса: только в двойственном числе новые формы оказываются преобладающими в Супрасльской рукописи (ср. также единственную форму **рекста** в Зографском евангелии). Представляется, что в обоих случаях можно видеть проявление общей закономерности: с формами приставочных глаголов формы двойственного числа сближает их меньшая частотность (по сравнению с формами бесприставочного **рѣшти** и формами единственного и множественного чисел, соответственно). Прокладывая себе путь, морфологическая инновация делает это с тем большей эффективностью, чем меньшее сопротивление ей приходится преодолевать; сопротивление же это, в свою очередь, тем выше, чем глубже отпечатан в языковом сознании стереотип употребления старой формы, а это уже напрямую зависит от частоты встречаемости соответствующих контекстов. Можно думать, что употребление форм **рѣста** и **нарѣша** было, по этой причине, менее стереотипизировано, чем формы **рѣша**, отчего новообразования **рекста** и **нарекша** активнее проникали в речь (как письменную, так, вероятно, и устную), чем бесприставочная форма множественного числа **рекша**, которой приходилось преодолевать наибольшее сопротивление.

⁵ В этой и следующих таблицах представлены лишь данные, относящиеся к бесприставочному глаголу. Приставочные образования в ПВЛ, как и в большинстве древнерусских памятников, выступают исключительно в новых формах.

⁶ Картина, наблюдаемая в ОЕ, оказывается сложнее, если принять во внимание наличие в рукописи двух основных почерков. Соотношение старых и новых форм является противоположным у двух писцов: у первого (лл. 1–24об.) оно составляет 13:3, у второго (л. 25–294об.) – 18:76. При этом почти половина старых форм, употребленных вторым писцом, приходится на начало его труда (первые двадцать листов). Сходная картина наблюдается и в МЕ, где на первые двадцать листов приходятся 30 из 43 старых форм. Эту неоднородность естественно объяснять постепенным освобождением писцов от влияния протографа в процессе их труда. Очевидно, что в живой речи дьякона Григория (второго писца ОЕ) и Алексы Лазаревича (писца МЕ) новые формы аориста были уже единственно возможными.

⁷ Тот факт, что из представленных в таблице рукописей преобладание старых форм наблюдается в ГЕ и Пс, по-видимому, неслучаен. В отличие от Остромирова, Архангельского и Мстиславова евангелий, Галичское евангелие 1144 г. принадлежит к менее распространенному в древнерусскую эпоху типу Евангелия-тетр. Что же касается Псалтыри, то ее рукописная традиция в целом обнаруживает в данном отношении особый консерватизм: такая же картина, как в Бычковско-Синайской

псалтыри, наблюдается в Симоновской и Киевской псалтырях XIV в. (см.: Koch 1990, 2, 619).

⁸ См. представляющие данное направление исследований работы Э. Кленин (1993), В. М. Живова (1995), А. Тимберлейка (1997, 2000), П. В. Петрухина (1997), а также автора этих строк (Гиппиус 1996, 1999).

⁹ НК состоит из двух подборок, совокупный текст которых сближается с протографом Новгородской IV и Софийской I летописи. Вопрос о соотношении этих летописей породил длительную и весьма плодотворную дискуссию, итоги которой подведены А. Г. Бобровым (2001, 97–127), показывающим – на наш взгляд, очень убедительно – первичность текста НК. Приводимые ниже языковые данные могут, как кажется, служить лишним доводом в пользу такой трактовки.

¹⁰ Здесь и далее в подобных контекстах, говоря о “формах”, мы имеем в виду отдельные словоупотребления.

¹¹ Идоша за море к варягомъ и ркоша: земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣтъ (НПЛ, 106); ср. в Лавр.: рѣша рѣсь чюдъ словѣни и кривичи: вса земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ.

¹² Первый раз форма рекоша появляется в этой статье, заменяя форму двойственного числа, которая, несомненно, читалась и в оригинале (призваша же ихъ цесарѣ Васиани и Константинъ, ркоша; в Лавр. также призваша, но цѣра и рѣста). Осуществив эту грамматическую субституцию и отступив таким образом от формоупотребления оригинала, переписчик несколькими строками ниже еще раз “по инерции” употребил новую форму (они же ркоша, яко приходихом прѣвѣе к Болгаромъ . . .; в Лавр. рѣша).

¹³ ПВЛ-Лавр. цитируется по ПСРЛ 1962, с введением современной пунктуации, выносные буквы передаются курсивом; НК цитируется по подготовленному к изданию тексту, любезно предоставленному в наше распоряжение А. Г. Бобровым.

¹⁴ Ъ в этой записи имеет, видимо, чисто орфографический характер или же отражает попытку писца переосмыслить данную форму как причастную. В любом случае наличие в протографе новой формы аориста представляется несомненным.

¹⁵ Форму рекоша дают здесь и остальные списки; чтение Лавр. носит явно вторичный характер, объясняясь механическим смешением личной формы рекоша с причастной рекше.

¹⁶ Отставание летописцем княжеского достоинства Кия (1) обнаруживает ту же тенденцию, что и рассуждение о добрых нравах полян, к которому примыкает, открывая данный пассаж, пример (3). О вторичности этого рассуждения во Введении свидетельствует использование в нем цитаты из Георгия Амартола: самостоятельное использование летописью этого сочинения имело место, как показал А. А. Шахматов, лишь при составлении ПВЛ в 1110-х гг. Что же касается примера (2), то структурная однородность с примером (3) делает и его принадлежность к тому же текстологическому пласту весьма вероятной.

¹⁷ Вм. рекше, как во всех других списках. Ср. выше, пример (5).

¹⁸ Развивая эту параллель, летопись возвращается далее к форме рѣша, что кажется далеко не случайным: фраза рѣша старѣшинны фараона таким образом и в грамматическом отношении уподобляется фразе рѣша старци козарьстни, чем дополнительно подчеркивается параллелизм ситуаций.

¹⁹ Ср. в ПВЛ, под 6605 г. слова Василька Теребовльского и комментариев к ним рассказчика: Вн же рече: сего ксмъ не молвнать, но надѣюся на Бѣ, пошлю, да быша не прользали мене ради крови; но сѣмѹ [ма] дивно: даеѹ ми городъ свон, а мон Требовль мога власть, и ныне не пождавшѣ. Якож и быс, вскорѣ во приа власть свою.

²⁰ Здесь и далее реконструируемые тексты даются в нормализованной раннедревнерусской орфографии.

²¹ Чтение приключившихся Толстовского списка НПЛ в данном случае предпочтительно: неоднократно представленный в ПВЛ глагол приключитиса и в данном случае

лучше подходит к контексту. Значение его здесь можно передать как ‘приятись, случиться’. Фраза в целом не поддается дословному переводу и вместе с тем очень точно, с наивным буквализмом выражает существо подхода, воспринимающего хронологию как нечто принципиально вторичное по отношению к событиям истории; с этой точки зрения не столько события приходятся на определенные годы, сколько сами годы “приключаются”, накладываясь на событийный ряд. Такой подход по сути дела глубоко отличен от строго анналистического, для которого хронология есть объективно существующий “каркас”, заполняемый “приключаящимися” событиями. Описательно смысл рассматриваемой фразы можно передать так: “перескажем [все это, распределенное] по пришедшимся [на это время] годам”.

²² Этимологически эти два же являются разными словами, в силу фонетических причин совпавшими в древнерусском. В старославянском “обычному”, присоединительному **въ се же лѣто** соответствовало бы **въ сежде лѣто**, тогда как в рассматриваемом случае выступало бы именно **же**.

²³ К анализу соотношения текстов ПВЛ и НПЛ на данном участке, проведенному О. В. Твороговым, хотелось бы сделать одно добавление. Речь идет о текстуально совпадающих пассажах в рассказе ПВЛ об Олеге и Игоре: **и живаше Влегъ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, кѣжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и поману Влегъ конь свои ...** (6420); **Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, нача мыслити на дѣреваны, хота примыслити вольшую дань** (6453-1). В НПЛ оба эти фрагмента отсутствуют. По мысли А. А. Шахматова, фраза **миръ имѣа ко всѣмъ странамъ ... и приспѣ осень** читалась в Начальном своде один раз, применительно к Игорю, “а сдублирована она была составителем ПВЛ, поместившим между обоими ее повторениями новый, добавленный им текст” (Творогов 1976, 18). Критикуя основанную на этом предположении шахматовскую реконструкцию текста Начального свода об Игоре, О. В. Творогов противопоставляет ей свою, уже известную нам. При этом окончание статьи 6453 г. ПВЛ (“**Игорь же нача княжити ... хота примыслити вольшую дань**”) исследователь считает творчеством составителя ПВЛ, что объясняет противоречия с последующим текстом, восходящим к Начальному своде (там же, 19). С такой трактовкой есть все основания согласиться. В то же время О. В. Творогов (следуя в этом за А. А. Шахматовым) предполагает, что указание на осень имелось и в исходном, не разделенном на годы тексте, но оказалось выпущенным в процессе редактуры. Место этой фразы в тексте Начального свода остается при этом неясным, что признает и сам Творогов (там же, 20). На наш взгляд, предполагать деформацию текста Начального свода в НПЛ в данном случае вообще нет оснований. Противоречия снимаются, если признать, что совпадающие слова в рассказе об Олеге и Игоре являются творчеством составителя ПВЛ в обоих случаях и отсутствовали как в Начальном своде 1090-х гг., так и в предшествовавшем ему не разделенном на годы повествовании. Указания на “миролюбие” Олега и Игоря находятся в очевидном соответствии с внесением в летопись текстов мирных договоров с греками, за которыми они и следуют. Фраза же **и приспѣ осень** является в обоих случаях способом возвращения к прерванному вставкой повествованию. Ср. аналогичное повторение фразы **поланомъ же живущимъ осовѣ** во Введении, явно принадлежащее составителю ПВЛ.

²⁴ Без подлежащего эта фраза читается в Лаврентьевском и Ипатьевском списках. То, что в ряде других списков ПВЛ, а также в НПЛ, подлежащее (Бог) имеется, есть, безусловно, результат позднейшего восполнения этой лакуны по смыслу. Альтернативное решение предполагало бы независимую утрату подлежащего в разных ветвях традиции, что крайне маловероятно.

²⁵ Органичность получаемой таким образом фразы **И разгнѣвася Бѣ на Израилъ и предасть я въ расхищенъ** подтверждается тем, что она находит ближайшую параллель в другом месте Речи Философа: **И разгнѣвася Бѣ, предашеть я иноплеменикомъ на расхищенъ** (ПСРЛ, 1, 97).

²⁶ Выделение подборки цитат из пророков в интерполяцию имеет важные следствия не только для текстологии Начальной летописи, но и для изучения Речи Философа как самостоятельного текста в составе ПВЛ. Являясь вставкой, эта подборка, очевидно, не может использоваться при выяснении происхождения основного текста памятника (ср. между тем точку зрения Ш. Трендафилова (1990), основывающего именно на ней атрибуцию речи в целом Константину Философу). С другой стороны, именно в этой части Речи Философа сосредоточены наиболее яркие параллели со “Словом о законе и благодати” Илариона (см.: Мюллер 2000, 159) и проводится мысль о призвании Богом “новых людей” взамен отступившему от него Израилю. Тот же антииудейский пафос присутствует и в “богословской” части памятника, построенной в виде ответов Философа на вопросы Владимира. Обратим внимание, что весь этот пассаж заключен между двумя подозрительно похожими фразами об апостолах, учащих во “вселенной”. Фраза Апѣлмъ же оучащимъ по вселенѣи вѣровати Бѹ ... точно также возвращает читателя к прерванному богословским отступлением изложению Священной истории (сниде Дѹхъ сѣын на апѣлы ... и разидошася по вселенѣи, оучаще ...), как и фраза жидомъ пророки извивающимъ ... – к повествованию, прерванному подборкой пророческих цитат (Они же начаша пророки извивати обличаеми отъ нихъ...). Идейная переключка этих структурно сходных фрагментов позволяет предположить, что и во втором случае мы имеем дело со вставкой. Соотношение этой вставки с исходным текстом может быть реконструировано следующим образом: и сѣнне Дѹхъ сѣын на апостолы; и принимше овѣтование сѣго Дѹа, разидошася по вселенѣи, оучаще [крѣстаще водою. Рече Володимѣрь: “что ради от жены родиса, и на древе распятъсѣа, и водою крѣстиса”. Онъ же рече кмоу: “Сего ради, понеже испѣрва родъ чловѣчьскыи женою сѣгрѣши... <...> ... И пророци проповѣдаша, яко водою обновление боудеть”. Апостоломъ же оучащимъ по вселенѣи вѣровати Бѹ, ихъ же оученикы мы, грѣци, приахомъ], и всѣа вселенна вѣроуеть оучению ихъ. Поставилъ же ксть Бѣ днь кдинъ, въ ньже хочеть соудити живымъ и мѣртвамъ, съшьдъ съ небеси, и въздати комуждо по дѣломъ его.

Принятие такой трактовки означало бы, что антииудейская направленность, обычно приписываемая Речи Философа в целом, в действительности характеризует лишь интерполяцию, появившиеся на одном из этапов сложения Начальной летописи.

²⁷ Не будем забывать, что наше разделение текста ПВЛ на две части является чисто условным и было вызвано лишь отсутствием интересных нас образований в статьях 6425–6451 гг. Текстологически существенной является между тем другая “пауза”, наступающая в связанном повествовании ПВЛ после 6505 г. и продолжающаяся до статьи 6522 г. Тот факт, что последние семнадцать лет княжения Владимира остались не описанными Начальной летописью, давно уже обращал на себя внимание исследователей; некоторые авторы склонны видеть в этом свидетельство составления летописного свода в первые годы после крещения Руси (см. ниже, примечание 33). Так или иначе, рассказ о смерти Владимира и вызванной ею усобице есть больше оснований объединять с последующей, чем с предыдущей частью ПВЛ.

²⁸ Как указывал А. А. Шахматов, рассказ о четвертой мести Ольги в ПВЛ разрывает фразу и повѣдиша древланы | и възложша на на днь тѣжкѹ. Развивая это наблюдение, О. В. Творогов (1976, 23) пишет: “Трудно предположить, чтобы сокращение текста – изъятие целого фрагмента (если допустить таковое при составлении НЛ, как думал В. М. Истрин) – не потребовало никакой переработки оставшегося текста и обе его части – предшествующая выпущенному фрагменту и следующая за ним, сомкнувшись, сложились бы в безусловно ясный текст, который мы и находим в НЛ”. Исследователь отмечает также, что вставка рассказа о четвертой мести нарушила эпическую троичность, свойственную первоначальному повествованию.

²⁹ Заметим, что в реконструированном А. А. Шахматовым критическом тексте ПВЛ эти формы частично (примеры (1), (4), (5), (7), (12), (13)) заменены их архаичными соответствиями. Великий лингвист, А. А. Шахматов, однако, в своих летописных разысканиях не использовал данного инструмента, недооценивая степень сохранности

исходной языковой неоднородности текста ПВЛ в дошедших до нас списках. Ср. констатацию самого ученого: “Сознаюсь, что лингвистические вопросы стояли в моей работе на заднем плане” (Шахматов 1916, LXV).

³⁰ Еще раз подчеркнем, что речь идет только о бесприставочных образованиях. Приставочные глаголы принимают лишь новые формы, в том числе в текстах, относимых ниже к “ядру” ПВЛ. Ср. во Введении, в рассказе о трех полянских братьях: **и створиша градъ во имя брата своего стареншаго и нарекоша имя емѹ Кнѣвъ**; или в восходящем к Начальному своду рассказе НПЛ (106) об Аскольде и Дире: **и по сиѹ, братѣи тѹи придоша два варяга и нарекошася князема**.

³¹ В принципе, можно было бы предположить, что автор, писавший в 1070-е гг. или даже позже, ориентировался на какую-то архаичную норму, скажем, представленную в Псалтыри (см. выше, пример (7)). Однако тогда непонятно, почему такой ориентации мы не находим в других оригинальных древнерусских текстах XI в. Необъяснимой остается в таком случае и динамика летописного употребления: от полного отсутствия новых форм в реконструируемом тексте – через их варьирование со старыми во второй части ПВЛ – к полному господству в летописании XII в. Как уже говорилось, язык Псалтыри в данном отношении оставался консервативен и в XIV в.

³² Это, конечно, не означает, что в живой речи автора старые формы были единственно возможными: они вполне могли варьироваться с новообразованиями, которые, однако, не находили доступа в литературный текст в силу общей консервативности письменного языка (а также языка устного предания) или же ориентации на престижную книжную норму.

³³ Напомним, что реконструируемый А. А. Шахматовым Древнейший свод 1039 г. является не самым древним из восстанавливаемых в литературе этапов, предшествующих составлению ПВЛ. Наибольшую древность за русским летописанием признают Л. В. Черепнин (1948, 332–333), предполагающий существование свода Владимира 996 г., созданного при Десятинной церкви, и Б. А. Рыбаков (1963, 174, 189–192), пишущий о своде 992 г. До последнего времени серьезные сомнения в возможности начала летописания на Руси в столь раннюю эпоху вызывало отсутствие прямых свидетельств существования русской книжности при Владимире. Однако сенсационная находка Новгородской псалтыри (см.: Янин и Зализняк 2001), датируемой самым началом XI в., избавляет от априорного недоверия к подобным гипотезам. Особых оснований относиться с большим скепсисом к “своду 996 г.”, чем к шахматовскому Древнейшему своду 1039 г., как кажется, нет. К тому же, как теперь ясно, событие, с которым Шахматов связывал создание Древнейшего свода – учреждение киевской митрополии, – в действительности имело место не в 1037 г., а практически сразу после крещения Руси. К этому же времени Я. Н. Щапов (1972, 126) относит появление уставных грамот о материальном обеспечении Десятинной церкви и русских епископий, лежащих в основе церковного устава Владимира. Важнейшим свидетельством наличия уже в эту эпоху практики погодной фиксации событий является краткая серия безусловно современных записей (отмечающих в основном смерти родственников Владимира), читаемых в ПВЛ под 6508, 6509, 6511, 6515 и 6519 гг. С другой стороны, совсем недавно А. В. Назаренко (1996) привел ряд фактов, позволяющих относить ко времени княжения Владимира и формирование литературной традиции о его крещении. На этом фоне создание ядра будущей ПВЛ еще в конце X в. совсем не кажется невероятным. Лингвистически же столь ранняя датировка этого текста представляется даже более предпочтительной, чем отнесение его к 30-м гг. XI в.: в последнем случае для осуществления перехода от старых форм аориста к новым остается слишком мало времени.

³⁴ За ее пределами он встретился лишь однажды, под 6603 г. Заметим, что в статьях конца XI–начала XII в. данный оборот представляет собой лишь частный случай употребления глагола **отвѣщати** в оформлении диалога. Ср.: 6601: **со слезами отвѣщахѹ дръгѣ къ дръгѹ глаголюще: азъ вѣхъ сего города, и дръги: а азъ сеа вси;**

6603: Володимеру же не хотяще сего створити, отвѣща бо: како се могу створити, ротѣ с ними ходивѣ. Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: княже, нѣтъ ти в томъ грѣха; 6608: и рече к ним: на что ма есте привавни? осе есмъ, кому до мене овнда? И отвѣща ему Володимеръ: ты еси прислалъ к намъ [...] и не отвѣща Давыдъ ничтоже; 6611: не могоша отвѣщати дружина Фѣополча. Между тем в древнейшей части ПВЛ вне оборота отвѣщавъ рече глагол отвѣщати в контекстах с прямой речью вообще не используется. Очевидно, таким образом, что употребление данного оборота в статье 6603 г. принадлежит иному текстологическому пласту, чем контексты (12), (13) и (18)–(20).

³⁵ Все пять примеров читаются также в НПЛ, НК и других списках ПВЛ.

³⁶ Формы аориста глагола речи в этом тексте не представлены.

³⁷ Надежность возведения этих примеров к оригиналу ПВЛ гарантируется и исключительно высоким процентом совпадений с НПЛ. Из 26 примеров, приходящихся на текст, общий для ПВЛ и НПЛ (все, кроме (21) и (48)), в 25 случаях те же формы причастий читаются и в списках НПЛ (наиболее последовательно – в Академическом). Исключение составляет пример (40), где чтению рекъ Лавр. и НК соответствует в НПЛ чтение рекын, очевидно, вторичное.

³⁸ Наличие вставок в рассказе о крещении Ольги отмечалось и ранее. Д. С. Лихачев (1950, 61–62) пронизательно отметил присутствие в этом рассказе двух стилистических слоев, восходящих к разным источникам. К одному из них исследователь отнес анекдот о том, как Ольга при крещении обманула греческого императора, к другому – беседу Ольги с патриархом и посмертную похвалу княгине. “Церковный” слой Д. С. Лихачев считает в этом повествовании первичным, принадлежащим реконструируемому в качестве исходного “ядра” ПВЛ “Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси”. Отмеченные Д. С. Лихачевым параллели между похвалой Ольге и похвалой Владимиру бесспорны и свидетельствуют о принадлежности этих текстов одному пласту. Однако трактовка этого пласта как первичного вызывает серьезные сомнения. Значительно более убедительным представляется мнение А. Г. Кузьмина (1977, 334–341), поддержанное Л. Мюллером (2000, 46–47), согласно которому церковно-агиографические элементы в рассказе об Ольге вторичны по отношению к легендарно-фольклорным. Именно последние образуют содержательную канву рассказа, по отношению к которой легко выделяются позднейшие добавления. Тем более любопытно, что указанные выше языковые признаки, квалифицируемые нами как вторичные, выступают именно в этом первоначальном рассказе. Текст ПВЛ обнаруживает здесь таким образом присутствие более чем двух слоев. С одной стороны, вставкой в исходный текст является, по-видимому, сам рассказ о крещении Ольги. С другой стороны, в составе этого рассказа выделяются вставки второго порядка, носящие характер агиографической редактуры.

³⁹ Поскольку из 28 примеров 25 приходятся на сюжеты, связанные с крещением Руси, может сложиться впечатление, что все повествование о крещении маркировано по данному признаку. Однако это не так. Рассматриваемой конструкции мы не находим в рассказе об “испытании вер” (за исключением беседы с Философом), где также фиксируются только старые формы аориста. Рассказ этот, видимо, принадлежит к наиболее древнему пласту ПВЛ.

⁴⁰ То, что Им. ед. муж. ведет себя особым образом, достаточно закономерно. В данной позиции соотношение древнерусского и церковнославянского складывалось вообще несколько необычно. Старославянские краткие формы на *-ы* от основ на твердый согласный (зовы, несы, реки) в качестве альтернатив восточнославянских образований на *-а* (зова, неса, река) были очень рано вытеснены на Руси полными формами на *-ыи* (зовыи, несыи, рекии), что объясняется гиперкорректным отталкиванием от южнославянских написаний, отражавших стяжение гласных во флексиях полных форм (см.: Гиппиус 1990, 59–61). В образовании книжной формы здесь не было того автоматизма,

с которым происходил “пересчет” древнерусских форм на -уц- в церковнославянские на -уц- в других позициях.

⁴¹ Показательно, что в остальном тексте ПВЛ форма *рѣка*, встретившись один раз под 6559 г. в рассказе об основании Печерского монастыря, затем неоднократно представлена в статьях конца XI–начала XII в., в том числе трижды под 6605 г. в повествовании об ослеплении Василька Теребовльского, в статьях 6601, 6611 гг. и в Письме Владимира Мономаха Олегу Святославичу под 6604 г.

⁴² Впрочем, пример (54) принадлежит эпизоду “выбора веры”, который, как мы предположили, относится к первоначальному пласту текста. Это заставляет задуматься, не является ли ответ Владимира болгарам вставкой. Для такого предположения есть определенные основания. Резкость, с которой Владимир сразу отказывается от предложения болгарских (и немецких) послов, делает непонятным дальнейшее направление Владимировых “мужей” к болгарам и немцам для “испытания” их службы. Возможно, мы имеем здесь дело с позднейшей расстановкой акцентов, нарушившей исходную композицию.

⁴³ Что исходная версия рассказа о крещении Владимира до нас не дошла, будучи заменена на определенном этапе “Корсунской легендой”, предполагал еще А. А. Шахматов (1908, 133–145). По мнению Л. Мюллера (1988, 431–446), этот первоначальный рассказ частично сохранился в ПВЛ, в контаминации с текстом “Корсунской легенды”. Заметим, что фрагменты, возводимые исследователем к этому рассказу, не содержат признаков, которые мы рассматриваем как маркирующие вторичные слои ПВЛ.

⁴⁴ Еще более ярким проявлением нарративного примитивизма “ядра” является абсолютное господство в нем паратаксиста. По предварительному впечатлению, характерное для летописи цепочечное “нанизывание” предложений с помощью союза *и* в ПВЛ достигает максимальной концентрации именно в текстах “ядра”; тексты же вторичного происхождения демонстрируют большее разнообразие синтаксических моделей.

⁴⁵ Актуальной задачей представляется в связи с этим поиск формальных признаков, позитивно характеризующих этот исходный текст, то есть таких элементов языка и стиля, которые, объединяя фрагменты, относимые нами к “ядру”, не встречались бы за его пределами. Два таких признака мы можем указать уже сейчас. Один из них также связан с использованием в летописи прямой речи. Специфичной для текстов “ядра” является несколько раз представленная в них ситуация извещения о приходе послов, формальным признаком которой является употребление в прямой или косвенной речи (разграничение их нередко затруднительно) формы аориста глагола прити. Имею в виду следующие однотипные контексты: (56) 6453: *и повѣдаша Вльзѣ, яко деревлане придоша. И возва е Вльга к совѣ и рече имъ: добри гостѣе придоша. И рѣша деревлане: придохомъ кнѣгине; (57) 6479: *повѣдаша Сѣтославу, яко придоша грѣци с поклономъ; (58) 6494: *потомъ же придоша нѣмци, глаголюще: придохомъ послании от папежа; (59) 6495: *посла къ патрарху гла сице: придоша русь пытающе вѣры нашея; (60) 6495: *рече Володимеръ: се придоша послании нами мужи, да слышимъ ѿ нихъ вышше*. При кажущейся ординарности данного приема он определенно маркирует наиболее архаичный пласт текста, нигде более в ПВЛ не встречаясь. В этой черте можно видеть принадлежность “эпического стиля”, с характерным для него искусственным “замедлением” повествования, особенно бросающимся в глаза в диалоге Ольги с древлянами.****

Еще одним признаком, объединяющим тексты “ядра”, является парная формула *мудръ и съмыслень*, представленная в следующих контекстах: Введение: (61) *ва-ху мужи мудри и смыслени, нарицахуса полане; (62) 6362 (НПЛ): *и паки приведе себе жену от Плескова, именемъ Олгу, и вѣ мудра и смыслена (в ПВЛ текст отсутствует); (63) 6494: *ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; (64) 6495 (НПЛ): *избраша мужи мудры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое в Болгары (Лавр.: добры и смыслены)*. Стилистическое единство этих четырех контекстов очевидно. Особо отметим контекст (62), существующий только в НПЛ, – еще одно свидетельство***

первичности ее текста относительно ПВЛ. Сходные с рассмотренной формулы находим также в следующих контекстах: (65) 6362 (НПЛ): и бысть ѹ него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храворъ (в ПВЛ текст отсутствует); (66) 6479: и посла к нему злато и паволоки и мужа мудра; (67) 6488: избра от нихъ мужи добры, смыслены и храбры и раздая имъ грады (так в НК, Радз., Акад., Ипат.; Лавр.: добры, смыслены и добры; НПЛ: добры и храбры). Эти три контекста также относятся к “ядру”. В текстах, отнесенных выше к “периферийным”, похожая формула встретила лишь в рассказе о крещении Ольги: (68) 6463: и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, оудививъся цѣь разуму ея. Но это сходство лишь оттеняет различие: во-первых, прилагательное *добръ* является здесь средством внешней характеристики, а во-вторых, два прилагательных отделены друг от друга и не составляют того единства, которое имеет место во всех остальных примерах. Данный случай поэтому есть все основания рассматривать отдельно от остальных.

⁴⁶ Статья написана во время стажировки в Германии по стипендии Фонда А. фон Гумбольдта. Автор глубоко признателен проф. Вернеру Лефельдту за прекрасные условия работы в славистическом семинаре Геттингенского университета, а также Дж. Дзифферу, В. М. Живову, А. А. Зализняку и В. Б. Крысько, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский, М. Х.: 1971, *Повесть временных лет*, Москва.
- Алешковский, М. Х.: 1976, ‘К типологии текстов “Повести временных лет”’, *Источниковедение отечественной истории*, 2, Москва.
- Бобров, А. Г.: 2001, *Новгородские летописи XV в.*, СПб.
- Гипшиус, А. А.: 1990, ‘Из истории взаимодействия региональных изводов церковнославянского в древнейшую эпоху (формы номинатива действительных причастий на -*onts)’, *Советское славяноведение*, 1, 58–69.
- Гипшиус, А. А.: 1996, *Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи*. Автореф. дис. канд. филол. наук, Москва.
- Гипшиус, А. А.: 1999, ‘К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв.’, А. А. Гипшиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев (ред.), *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*, Москва, 345–364.
- Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А.: 1980, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- ДГ XII–XIII: 1995, В. В. Иванов (ред.), *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.*, Москва.
- Живов, В. М.: 1995, ‘Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки (на материале Мазуринского летописца XVII в.)’, *Russian Linguistics* 19, 45–75.
- Кузьмин, А. Г.: 1977, *Начальные этапы древнерусского летописания*, Москва.
- Лихачев, Д. С.: 1950, ‘Повесть временных лет (Историко-литературный очерк). Комментарий’, *Повесть временных лет. Ч. 2*, Москва, Ленинград, 272–548.
- Лурье, Я. С.: 1985, ‘Генеалогическая схема русских летописей XI–XVI вв., вошедших в “Словарь книжников и книжности Древней Руси”’, *ТОДРЛ* 40, 190–205.
- Лурье, Я. С.: 1990, ‘Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей’, *ТОДРЛ* 44, 185–195.
- Мюллер, Л.: 2000, *Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва.
- Назаренко, А. В.: 1996, ‘Элементы житийной традиции о св. Владимире в западноевропейской литературе первой половине XI века’, В. М. Кириллин (ред.), *Древняя Русь и Запад*. Научная конференция. Резюме докладов, Москва, 33–36.
- НПЛ: 1950 – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград.

- Павлов, А. С. (ред.): 1908, *Русская историческая библиотека*. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. СПб.
- Петрухин, В. Я.: 2000, *Древняя Русь: Народ. Князь. Религия*, В. Я. Петрухин (сост.), *Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь)*, Москва.
- Петрухин, П. В.: 1996, 'Нарративные стратегии и употребление глагольных времен в русской летописи XVII в.', *Вопросы языкознания*, Вып. 4, 62–81.
- Приселков, М. Д.: 1940, *История русского летописания XI–XV вв.*, Ленинград.
- ПСРЛ: 1962 – *Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Москва.
- Рыбаков, Б. А.: 1963, *Древняя Русь. Сказания. Былины. Легенды*, Москва.
- Творогов, О. В.: 1976, 'Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий)', *ТОДРЛ* **30**, 3–26.
- Тимберлейк, А.: 1997, 'Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи', *Вопросы языкознания*, Вып. 5, 66–86.
- Трендафилов, Х.: 1990, 'Речта на философа в староруската Повесть временных лет и полемичните традиции на Константин-Кирил', *Старобългарска литература* **22**, 34–46.
- Черепнин, Л. В.: 1948, '"Повесть временных лет", ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды', *Исторические записки* **25**, Москва, 293–333.
- Шахматов А. А.: 1908, *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, СПб.
- Шахматов, А. А.: 1916, *Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания*, СПб.
- Шахматов, А. А.: 1947, 'Киевский Начальный свод 1095 года', С. П. Обнорский (ред.), *А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов*, Москва, Ленинград.
- Щапов, Я. Н.: 1972, *Княжеские уставы и церковь в Древней Руси*, Москва.
- Янин, В. Л., Зализняк, А. А.: 2001, 'Новгородская Псалтырь начала XI века – древнейшая книга Руси', *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, Вып. 1, 153–164.
- Klenin, E.: 1993, 'The perfect tense in the Laurentian manuscript of 1377', R. Maguire and A. Timberlake (eds.), *American Contributions to the 11th International Congress of Slavists. Bratislava. August–September 1993. Literature. Linguistics. Poetics*, Columbus, Ohio, 330–343.
- Koch, Chr.: 1990, *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums. I. Text. II. Anmerkungen*, München.
- Müller, L.: 1988, 'Die Chronik-Erzählung über die Taufe Vladimirs des Heiligen', R. Olesch, H. Rothe (Hrsg.), *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia. 1988*, Köln, Wien, 429–449.
- Timberlake, A.: 2000, 'Who wrote Lavrentian Chronicle (1177–1203)?', *Zeitschrift für slavische Philologie*, 59, 237–265.
- Trunte, H.: 1993, 'Doctrina Christiana: Untersuchungen zu Kompilation und Quellen der sogenannten "Rede des Philosophen" in der Altrussischen Chronik', G. Birkfellner (Hg.), *Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland 988–1988: Vorträge des Symposiums ... in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988, Köln, etc.*, 355–394.
- Vaillant, A.: 1948, *Manuel du vieux slave. T. 1. Grammaire*, Paris.